

НА ПОВОРОТЕ

Виктор Коротаяев. Чаша. Стихи. Изд-во «Молодая гвардия», М., 1978;
На свидание. Повесть и рассказы. Изд-во «Молодая гвардия», М., 1978.

...На свете много совестливых людей. Открываешь книгу вологодского поэта и находишь:

Доживешь ли до звездного часа,
Ощутимый оставишь ли след,
И откуда ты, собственно, взялся,
И зачем появился на свет?

...Но, корпя над задачами века,
От бессонниц стораю давно,
Я жалею того человека,
У которого все решено.

Что ж, такая постановка вопроса вызывает доверие. Это стихи Виктора Коротаяева, подошедшего к своему сорокалетнему рубежу в состоянии творческого беспокойства и непрерывающегося душевного движения. Его литературная судьба развивается благоприятно: он выпустил около десятка стихотворных сборников, а недавно вышла его первая книга прозы.

Студенчество, сельское учительство, армейская служба дали Коротаяеву полнокровный жизненный материал, который, как видим теперь, не уместился в поэтические книжки и потребовал прозы. Каковы же характерные черты лирики Коротаяева и в каком взаимодействии с ней явилась его первая проза?

Почти все стихи Коротаяева автобиографичны, что для нашей поэзии не новость, а выверенная масштаб личности автора традиция; в автобиографических же стихах Коротаяева разворачивается большая лирическая повесть о духовном становлении человека нашего времени, о постепенном приобщении его к народному опыту.

Бросается в глаза, особенно в последних книгах стихов Коротаяева, отсутствие метафорической оснащенности. Автологическая нагота коротаяевской поэтической речи органична, по-

тому что суть его природы и лирического темперамента в открытости живого чувства. В то же время нередко в стихах его молодости познание житейских истин выдавалось Коротаевым за философские обобщения, лирическим зарисовкам приписывалась ложная многозначительность («И в нашей собственной крови, и в нашей доле костер тревоги и любви, борьбы и боли»), щедрость отклика на малейшее движение души оборачивалась многословием и необязательностью фиксирования в поэтическом слове. Недостатки эти преодолевались уже в книге «Солнечная сторона», а в «Чаше» все заметнее концентрированность лирического переживания, сосредоточенность на душевном опыте. Все меньше в слове поэта «золотых яблок», «полночных безрассудств» и прочих «жертв красоте», все чаще лиризм сказывается в поэтизации обычной, повседневной жизни родимой земли («Увижу, как вдали дрожит осинка, как снова собирается гроза, как под ногами мечется былинка, — и слово навернется, как слеза...»).

Есть еще одна особенность лирики Коротаева, которая, на мой взгляд, мешает поэту вырваться не столько из привычного круга тем, сколько из добровольного заточения своей духовной сущности в так называемую поэзию «нутра». И дело не только в том, что свои же стихами «Старики», «Старый профессор», поэмой «Славянка» Коротаев противоречит сам себе. Духовность и развитость, образованность и внутренняя культура подчас ощущаются как некое «излишество». К примеру, поэт в неоправданной горести восклицает: «И целый вечер опять средь развитых и разумных я вынужден прозябать... У них ни за что на свете душа не болит!» Если автор имеет в виду носителей интеллигентного мещанства, то это не беда, беда — в неразумном противопоставлении «крестьянского начала» всякой городской, всякой «университетской культуре».

И все же лирическая одаренность В. Коротаева оказывается сильнее запрограммированной полемической позиции, в лучших стихах поэта побеждают духовное беспокойство, напряженность поисков правды. В стихотворении «Мы прожили лучшую пору» есть дыхание драматизма, горечь памяти об утраченных возможностях, ощущение жизни как беспредельного творческого беспокойства.

Страх перед повторением самого себя, определение тупика — вот начало исцеления и начало борьбы за расширение творческого горизонта.

Уже в стихах «Затосковал по малой родине», «Дорога пройдет за деревней», «На громовом аэродроме», «Выбор» были заметны эпические прожилки, живая ткань коротаевского

стиха сопротивлялась проволочным каркасам прозаических композиций. Поэтическая система Коротаева по своему словарю близка народной песне и даже романсу, она не выдерживала нагрузки многослойных современных реалий и требовала разрыва, уходила в почву прозы.

И проза приняла этот новый материал. В первую прозаическую книгу В. Коротаева вошли дюжина рассказов и одна повесть о молодых сельских учителях.

Обратимся к рассказу «На свидание», который дал название и всему сборнику, что, видимо, не случайно. Слепшая от старости бабка Катерина Вячеславовна вместе с внуком Шуркой (ему сопроводить бабку не хочется) посещает старое деревенское кладбище, где лежит бабкин муж. «Кроме этой могилы, у нее, видно, уже ничего не было в людном мире, кто бы захотел, не перебивая и не тяготясь, выслушать ее до конца». В хлопотах по сборам и в монологе бабки, обращенном к умершему деду, — весь рассказ. Рассказ небольшой, а впечатление большое. Короткое произведение вместило образы молодости и старости, жанровую картинку, притчу, жалобу, лирический пейзаж, пронзительную элегию. Вот на пробу одно только предложение с информационной нагрузкой: «Она снова приехала на могилу к своему мужу, с которым за долгий переменчивый век нажила шестерых детей, поставила не одну тысячу стогов и переплестала столько земли, что если бы соединить всю вместе, то этому бы полю не было видно предела». Цитируя стихи, мы выхватываем строфу из контекста, подкрепляя логический ход мысли, а теперь уж по инерции выхватили кусочек прозы, — емкость и пространство этого лаконичного периода очевидны.

Рассказ «На свидание» помещен предпоследним в сборнике, но память подсказет: с Катериной Вячеславовной читатель встречался где-то в середине книги, она же — героиня рассказа «На молоко». Там бабка еще не совсем ослепла, после всех медицинских вмешательств у нее осталась одна надежда — на молоко, на лечебное свойство его, но Катерина Вячеславовна, полуслепая, плохо передвигающаяся, упрямо идет с подругой своей в лес, по ягоды, — столько в ней жизнелюбия, внутреннего осознания своей незаменимости на земле, народного духа.

Старики и старухи верховодят почти во всех рассказах Коротаева. Вот и одинокая старушка Парменовна («С луком»), казалось бы, все в суете, то возится с внучком Минькой, то точит лясы с соседкой, наконец собирает мешки с луком и сдает их на приемный пункт. Но живость этой

старушки, великолепный русский язык, который так и переливается в ее речи, ее постоянная доброта, широкая, незаметная, вся упрятанная в мелкие подробности жизни, ее великодушие — все это, одним словом, вылепило характер выносливый, цепкий к жизни. На вопрос стародавней подруги Егоровны — хорошо ли она живет, покинутая детьми старенькая Парменовна частит: «А хорошо. Что худо жить, только маяться. Ребята все женились, дочки замуж повыскакивали. Кажинный день то от одного, то от другого то привет, то посылочка. Римка на Черном море живет, Генка в Череповце, Ленька с трактористов снялся, теперь механиком форсит. Сама всю картошку выкопала. Да приезжали производственницы-то; у меня стояли, так подмогнули. Зиму теперь как-нибудь пропелегаюсь». Нет, никак не назовешь этих старушек носительницами окаменевших патриархальных традиций. А несут они в себе духовный свет незаметного подвига жизни: в хлопотливом и ежечасном участии в заботах своих односельчан, своей семье, пусть разбросанной по свету, — не зря живут на земле!

В книге «На свидание» есть рассказы с жесткой неоднозначной сатирической почвой («Резолюция», «Трофическая язва»), есть рассказы лирические и тяготеющие к анекдоту.

В крылатом пространстве стиха («День был красный») В. Коротаяев создает образ другой старушки, своей родной бабки, и озаряет его историческим светом («Укатилось то пасхальное яйцо. Изменилось молодушкино лицо. Три войны сумела вынести на плечах...»), возносит его над просто-

рами России и возвращает каждому читателю раздумьями о своей матери, о женской доле.

Василий Белов написал послесловие к сборнику прозы В. Коротаяева. Известный писатель испытывает некоторое смущение, представляя прозу поэта, и спешит ответить на вопрос — что же дает прозаику поэтическая школа? По мысли Белова — в первую очередь «ритмичность», затем — «фраза у рассказчика, который умеет писать стихи, не может быть косноязычной», такой прозаик вернее найдет свой стиль, интонацию, умелую композицию.

В своих частностях, может быть, эти наблюдения и верны. А на мой взгляд, проза в своей целостной художественной структуре живет по своим внутренним законам, а поэтическая школа того или иного писателя, будь то Бунин или Пастернак, Исаковский или Гамзатов, может сказаться не во взаимодействии отдельных компонентов художественного организма, а в общей направленности таланта, в уровне духовного горизонта.

Оттого-то и в случае с Коротаяевым его первая книга прозы не повод к умилению новыми возможностями поэта, а свидетельство полноправного участия в живом литературном процессе художественной прозы наших дней.

Виктор Коротаяев на повороте, на повороте к новым рубежам своего творческого роста, и его новые работы и в стихах и в прозе убеждают в том, что у него есть для этого дальнего пути духовные ресурсы.

Михаил Коносов